УДК 903.2
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00009

Н.И. Суворова, Э.Б. Широченко

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАНИАРДИСА*

В 2014 г. при исследовании некрополя античного Паниардиса на территории г. Азова в женском погребении была обнаружена уникальная находка — терракотовая статуэтка, изображающая юношу у гермы. Терракоты с подобным сюжетом изготавливались во II в. до н.э. — I в. н.э. на территории Боспора. Местные коропласты вдохновлялись высокохудожественными произведениями танагрских мастеров IV—III вв. до н.э., которые, в свою очередь, подражали статуям известных скульпторов классического периода. При атрибуции находки авторы обращались к сюжетам на античных расписных вазах и эпическим и философским произведениям. В основе сюжета терракоты прослеживается символика дионисийско-орфического круга верований. Данная находка свидетельствует о высокой степени эллинизации верхушки местного общества, почитающего Диониса хтонического. Возможно, помещение ее в ногах усопшей отражало определенные религиозные верования местных жителей: она могла служить проводником в потусторонний мир.

Ключевые слова: Паниардис, некрополь, терракотовая статуэтка, первая половина I в. н.э., Боспор, коропласты, мотив боковой опоры, эфеб, палестрит, дионисийско-орфический круг верований.

Сведения об авторах: Суворова Надежда Игоревна[1], Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; Широченко Эдуард Борисович[2], Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

Контактная информация: [1,2]346780, Россия, Ростовская область, г. Азов, ул. Московская, 38/40, Азовский музей-заповедник; e-mail: [1]w.falke@mail.ru; [2]edshdangar@gmail.com.

N.I. Suvorova, E.B. Shirochenko

UNIQUE FIND FROM PANIARDIS NECROPOLIS

In the year 2014, a unique discovery was made during the exploration of the ancient Paniardis necropolis in the territory of Azov: a terracotta figurine depicting a young man at a herm was found in the female burial. Terracottas of similar subject were made in 2nd BCE — 1st CE in the territory of Bosporus. Local coroplast artisans were inspired by works of high artistry made by Tanagra masters in 4th — 3rd BCE who, in their turn, were imitating statues by famous sculptors of the Classical period. During the attribution of the finding, the authors were referring to themes on antique painted vases, as well as epic and philosophical works. The terracotta's theme can be traced back to the Dionysus — Orphic mythical symbols. This discovery shows that the upper class of the local society, who revered chthonic Dionysus, was highly Hellenized. The terracotta's placement at the foot of the burial may reflect certain religious beliefs of the local population and the terracotta itself may have served as a psychopomp.

Key words: Paniardis, necropolis, a terracotta figurine, the first half of 1st c. CE, Bosporus, coroplasts, a side bearer motif, ephebus, a palaestrite, Dionysian-Orphic circle of belief.

About the authors: Suvorova Nadezhda Igorevna[1], Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve; Shirochenko Eduard Borisovich[2], Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve.

Contact information: [1,2]346780, Russia, Rostov region, Azov, 38/40 Moskovskaya St., Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve; e-mail: [1]w.falke@mail.ru; [2]edshdangar@gmail.com.

---

* Статья поступила в номер 11 июля 2020 г.
Принята к печати 28 июля 2020 г.

© Н.И. Суворова, Э.Б. Широченко, 2020.

Крепостное городище (Паниардис) с некрополем расположено в северо-восточной части современного Азова, на высоком обрывистом берегу у слияния р. Дон и его притока р. Азовки (рис. 1). Так же, как и Подазовское городище, расположенное на западной окраине современного Азова, памятник относится к поселениям, составляющим сельскую округу Танаиса. В настоящее время вся территория Крепостного городища и его некрополя находится под плотной городской застройкой. Помимо современного слоя, всю площадь памятника перекрывают напластования XVIII—XIX вв., а также культурный слой средневекового городища Азака—Таны с некрополем XIII—XIV вв. Площадь некрополя Крепостного городища составляет 159 га. Памятник датируется последней четвертью I в. до н.э. — серединой II в. н.э.

История изучения Крепостного городища начинается в XIX в. и связана с попытками определить местоположение Танаиса (Бойко 1991: 72; Горбенко, Косяненко 2011: 7). В 40-е годы XX в. директором довоенного Азовского краеведческого музея И.Д. Тиуновым была составлена археологическая карта г. Азова с границами памятников, в том числе и Крепостного городища, получившего на тот момент наименование «Придонское селище» (Фомичев 1990: 35). Первые послевоенные раскопки на территории Крепостного городища проводятся в 1956 и 1958 гг. под руководством И.С. Каменецкого. В 60-е годы значительный вклад в исследование Крепостного городища был внесен Л.М. Казаковой. Под её руководством также начались первые раскопки на территории некрополя. Первые крупномасштабные раскопки некрополя были проведены в 1972 г. под руководством А.А. Горбенко. Результаты исследований стали основой его дипломной работы «Некрополь Крепостного городища» (Бойко 1991: 73). В 80—90 гг. XX в. публикуются статьи В.Е. Максименко, А.Л. Бойко, Н.М. Фомичева, посвященные Крепостному городищу и его некрополю (Бойко 1990; 1991; Максименко, Проценко 1992; Фомичев 1990). В 2011 г. издается монография А.А. Горбенко и В.М. Косяненко «Некрополь Паниардиса» (Горбенко, Косяненко 2011). С 70-х годов XX в. и по настоящее время, работы по изучению и сохранению археологических памятников г. Азова проводили археологи Азовского музея: А.А. Горбенко, В.В. Чалый, Н.М. Фомичев, В.И. Перевозчиков, А.Л. Бойко, И.В. Белинский, И.В. Гудименко, А.Н. Масловский, М.В. Дмитриенко, Э.Б. Широченко, С.А. Кравченко, С.М. Гончарова, М.В. Харенко (Ермолаенко), М.Ю. Гончаров и А.П. Минаев.

В 2013—2014 г. проводились исследования восточной границы некрополя Паниардиса по адресу пер. Коллонтаевский, 65 (рис. 2). Участок располагался на северо-западном склоне древней Кирсановой балки. За два полевых сезона было вскрыто 480 кв. м. Мощность культурных напластований, на участке, составляла от 0,2 до 1,5 м. В слое фиксировались фрагменты керамики I—II и XIV вв. Были исследованы две печи XVIII в. и 14 погребений античного времени, относящихся к некрополю Паниардиса. Некоторые погребения отличались богатством инвентаря (Гончарова и др. 2016: 90). Среди них погребение 4, в котором была найдена интересующая нас глиняная статуэтка (рис. 3).

Погребение 4 было выявлено в юго-восточной части квадрата 3Д. Могильная яма прямоугольной формы, углы закруглены, по линии длинной оси вытянута в направлении северо-восток — юго-запад (рис. 4). Стенки могильной ямы неровные, оплывшие. Длина могильной ямы — 2,5 м, ширина — 0,9 м. Уровень обнаружения могильной ямы от условного R_0: -2,55 м, дно могильной ямы: -2,73 м. Костяк погребенной женщины 25—30 лет[1] был вытянут на спине прямо, черепом ориентирован в юго-западном направлении. Голова погребенной была склонена к левому плечу. Руки вытянуты прямо, вдоль туловища,

[1] Определение костных останков выполнено антропологом канд. биол. наук Е.Ф. Батиевой.

отсутствовали кисти обеих рук. Ноги вытянуты прямо, сложены вместе, отсутствовали кости стоп обеих ног. Сохранность костей плохая. Заполнение могильной ямы — смесь суглинков светло-коричневого и бурого цветов. В погребении был обнаружен богатый инвентарь, датируемый I в. н.э., возможно его первой половиной. Отметим предметы, являющиеся хроноиндикаторами данного погребения:

1. Краснолаковый кувшин[2]. Находился между южным углом могильной ямы и черепом (рис. 5: *1*). Венчик кувшина профилирован широким плоским воротничком. Горло цилиндрическое. Тулово биконическое. Дно на низком кольцевом поддоне. Ручка с верхним прилепом к горлу уплощенно-овальной формы, слабо профилирована. Высота предмета — 17,5 см; диаметр венчика — 7,0 см; диаметр горла — 6,0 см; диаметр тулова — 15,5 см; высота ручки — 8,5 см; сечение ручки — 2,7 × 1,0 см; диаметр дна — 7,0 см. Подобный тип кувшинов из инвентаря погребений Крепостного городища датируется I в. н.э. (Горбенко, Косяненко 2011: 34—36).

2. Бронзовая фибула[3]. Была расположена у левого предплечья (рис. 5: *2*). Спинка фибулы прямая. Пружина четырёхвитковая. Приемник пластинчатый, сплошной. Размеры предмета — 3,4 × 0,9 см; ширина спинки — 0,4 см; диаметр иглы — 0,2 см. По морфологическим признакам фибула относится к 4 группе (по классификации А.К. Амброза). Такие «воинские» фибулы датируются I в. н.э. (Амброз 1966: 23—25).

3. Бронзовое зеркало[4]. Обнаружено в заполнении могильной ямы, в ее юго-западной части (рис. 5: *3*). Диск зеркала по краю оформлен рельефным валиком, в центре невысокий конусовидный выступ. Ручка прямоугольной формы, с остатками облоя на верхней части ручки. В нижней части ручки овальное отверстие. Диаметр диска — 5,3 см, длина ручки — 2,3 см, ширина — 0,7 см. По классификации В.М. Косяненко, подобные зеркала относятся к III типу, датируемому первой половиной I в. н.э. (Горбенко, Косяненко 2011: 47—49).

Помимо вышеуказанных предметов в северо-восточной части могильной ямы располагались лепная курильница, серолощеный кубок на низкой ножке[5] (рис. 5: *4*), серолощеный кувшинчик с полой ручкой[6] и лепное пряслице[7] (рис. 5: *5*). Гешировые подвески стрелковидной формы были расположены у темени, на правой лопатке и на грудине[8] (рис. 5: *6*). Ранее на территории некрополя Крепостного городища подобные подвески были обнаружены в погребении, которое датируется концом I в. до н.э. — рубежом н.э. (Горбенко, Косяненко 2011:101). Бусы из белой пасты лежали вдоль правой стороны нижней челюсти[9] (рис. 5: *7*). С внешней стороны правого предплечья находилось бронзовое шило[10] (рис. 5: *8*). В заполнении были обнаружены бронзовые накладки с остатками древесины, возможно, накладки на край деревянной посуды[11] (рис. 5: *9*). Аналогичные изделия ранее были зафиксированы на территории некрополя в погребении I в. н.э. (Горбенко, Косяненко 2011: 55—56). В заполнении также были найдены медные и стеклянные бусы, медные серьги, фрагменты медных и железных изделий[12] (рис. 5: *10*).

[2] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/61.
[3] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/66.
[4] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/62.
[5] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/59.
[6] АМЗ, КП 31169 А1Г 1128/60.
[7] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/82.
[8] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/79.
[9] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/74.
[10] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/65.
[11] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/69.
[12] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/70.

В северо-восточной части могильной ямы, в районе берцовых костей левой ноги погребенной женщины, находилась глиняная статуэтка (рис. 6). При обнаружении терракота буквально рассыпалась на множество крупных и мелких фрагментов, она расслаивалась (рис. 7). После проведенной реставрации на высоком профессиональном уровне произошло, поистине, второе рождение глиняной статуэтки[13]. Теперь появилась возможность не только ее рассмотреть, но и изучить (рис. 8). Она представляла собой объемную статуэтку, изображающую юношу, опирающегося на герму[14]. Сохранилось две части терракоты: фрагменты лицевой и оборотной стороны. Детали лица юноши не проработаны. Лицо округлое, нос прямой большой, рот маленький. Юноша чуть повернул и склонил голову влево. Он стоит на невысоком постаменте прямоугольной формы, слегка согнув левую ногу в колене и выставив ее вперед, опираясь локтем левой руки на герму. Правая рука опущена вдоль тела. На нем длинный хитон, драпирующийся вертикальными параллельными складками, и плащ, наброшенный на левое плечо и свободно опускающийся до середины голени. На правом плече плащ скрепляет круглая фибула-брошь. Герма на невысоком постаменте, прямоугольной формы, чуть расширяющаяся кверху. Герму венчает голова Гермеса или Диониса (?), чуть смещенная к краю. Детали лица головы гермы не проработаны. Лицевая сторона статуэтки была отмята в форме, оборотная — заглажена от руки. На оборотной стороне в верхней части округлое отверстие. На внутренней поверхности сохранились следы стеки и многочисленные отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, красно-коричневого цвета с мелкими включениями извести и песка. Фрагменты терракоты склеены из множества расслаивающихся глиняных пластин, догипсованы. На поверхности сколы, поверхность заизвесткована. Высота сохранившейся лицевой части — 15,5 см, ширина — 6,7 см; высота сохранившейся оборотной части — 12,3 см, ширина — 6,7 см, диаметр отверстия — 1,7 см. Вероятно, статуэтка была произведена на Боспоре в I в. н.э.

Ближайшей аналогией вышеупомянутой статуэтки является терракота, обнаруженная в Мирмекии и хранящаяся в Государственном Эрмитаже[15] (рис. 9: *1*). По мнению В.И. Денисовой, она изображает стоящего у гермы эфеба (Денисова 1981: 67). Эфебом в древнегреческом обществе называли юношу, достигшего 16—18 лет, когда он обретал все права гражданина. Юноша изображен в длинном хитоне и плаще, скрепленном круглой фибулой на правом плече. Голова статуэтки утрачена. Однако размер терракоты и анализ ее деталей позволяет сделать выводы о близком сходстве со статуэткой, найденной в некрополе Крепостного городища. Об этом говорят пропорции изображенного юноши, гермы и постамента, а также мельчайшие детали: количество, величина и направление складок драпирующейся одежды, круглая большая фибула на правом плече, положение ног и правой руки изображенного юноши.

Похожая статуэтка, изображающая юношу у гермы, хранится в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике в г. Керчи[16] (Инв. № КТ-230). Она также изготовлена на Боспоре в I в. н.э. (рис. 9: *2*).

Аналогичный сюжет мы можем увидеть на более ранних боспорских терракотах (Денисова 1981: 67). Глиняная статуэтка из Мирмекия, найденная в слоях раннеэлинистического зольного алтаря III—I вв. до н.э., и хранящаяся в Государственном

[13] Реставрация выполнена реставратором АМЗ второй категории Н.В. Шаповаловой.
[14] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/31.
[15] ГЭ. Инв. № М.37-649.
[16] Выражаем глубокую признательность заместителю генерального директора ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» Н.В. Быковской за научную консультацию.

Эрмитаже, изображает эфеба, стоящего у гермы[17] (рис. 10: *1*). Статуэтка, по-видимому, изготовлена в несработанной форме: мы видим выражение лица юноши, хорошо проработанные волосы, венок на голове, тщательно проработанные складки плаща и голову, венчающая герму. На статуэтке сохранилась роспись: розовая краска на гиматии, красная — на лице, шее и герме (Пругло 1970: 99).

Другая похожая статуэтка обнаружена в каменной гробнице в Пантикапее и хранится также в Государственном Эрмитаже[18] (рис. 10: *2*). Она изображает юношу, опирающегося на герму. Черты лица юноши, волосы, венок, складки одежды, голова и база гермы хорошо проработаны. Сохранились следы раскраски: на плаще желтого цвета, на базе черного. Терракота изготовлена из керченской глины и датируется II—I вв. до н.э. (Силантьева 1974: 31).

Еще одна статуэтка с похожим сюжетом была обнаружена в грунтовой могиле на горе Митридат и хранится также в Государственном Эрмитаже[19] (рис. 10: *3*). Она изображает стоящего у гермы юношу с перекрещенными ногами. На голове юноши и голове гермы венки. Статуэтка детализирована. Хорошо проработаны лицо юноши, волосы, венок, складки одежды, голова гермы. Терракота изготовлена из керченской глины во II в. до н.э. (Силантьева 1974: 31).

Семь статуэток с похожим сюжетом хранятся в Анапском археологическом музее. Три из них, изображающие обнаженного юношу, опирающегося на столбик, были обнаружены при раскопках некрополя Горгиппии в 1956 г. в погребении 81. Аналогичные им фигурки обнаружены в 1965 г. у хутора Рассвет и на раскопе «Город» в 1969 г. Близкая по типу терракота была случайно найдена в с. Супсех Анапского района в 1980 г. (Хмара 1987: 89). При раскопках некрополя Горгиппии в 1979 г. была обнаружена статуэтка, изображающая опирающегося на герму юношу в плаще и имеющая много общих черт с терракотой из некрополя Паниардиса (рис. 9: *3*). Все вышеперечисленные статуэтки из Анапского музея местного, горгиппийского, производства и датируются I в. до н.э. — I в. н.э.

Известно, что боспорские мастера вдохновлялись высокохудожественными терракотовыми статуэтками, изготовленными танагрскими мастерами в IV—III вв. до н.э. Они не только заимствовали у них сюжеты, но и делали оттиски с готовых терракот, так называемые матрицы, в которых в дальнейшем отминали свои статуэтки. Поэтому не случайно сюжеты «юноша, опирающийся на столбик» или «юноша, опирающийся на скалу» мы встречаем и среди изделий коропластов Танагры. Именно там, в IV в. до н.э. среди сюжетов мелкой глиняной пластики наряду с религиозно-мифологическими элементами впервые появляются образы реального мира, получает большое развитие бытовой жанр (Британова 1969: 61).

В Государственном музее Берлина хранится терракотовая статуэтка, изображающая юношу в венке и плаще, опирающегося на столбик (рис. 11: *1*). Статуэтка выполнена на высоком художественном уровне. Прекрасно проработаны детали: лицо и прическа юноши, венок на голове, драпирующиеся складки плаща. На поверхности сохранились следы белой обмазки, а также розовой и коричневой краски. Терракота была изготовлена в Беотии, в Танагре, в IV в. до н.э. (Британова 1969: 158).

Еще одна статуэтка с похожим сюжетом хранится в Государственном музее Берлина (Британова 1969: 157). Она изображает задумчивого юношу с перекрещенными ногами, опирающегося на скалу, и держащего в руках сосудик для масла (рис. 11: *2*). Вызывает восхищение, с каким мастерством изготовлена данная терракота: детально проработаны лицо

[17] ГЭ. Инв. № М.60-333.
[18] ГЭ. Инв. № II.1881.5.
[19] ГЭ. Инв. № II.1874.101.

юноши, его прическа, венок на голове, складки одежды и камни скалы. Древнему мастеру удалось передать не только внешний облик молодого человека, но и состояние его внутреннего мира. На статуэтке сохранились следы белой обмазки. Она также была изготовлена в Танагре в IV в. до н.э.

В Государственном Эрмитаже хранится коллекция танагрских терракот из собрания П.А. Сабурова. Среди них есть статуэтки с интересующим нас сюжетом. Одна статуэтка изображает юношу в одежде воина: коротком хитоне, панцире, плаще и петасе но голове[20]. Согнутой в локте левой рукой он придерживает плащ, опираясь на невысокий столбик (рис. 12: *1*). Статуэтка выполнена на высоком художественном уровне: прекрасно проработано лицо юноши, его прическа, одежда, головной убор. Оборотная сторона не обработана, имеется округлое отверстие. На лицевой стороне сохранились следы белой обмазки и росписи: волосы и плащ красно-коричневые, губы и хитон красные, глаза и панцирь голубые, лицо и правая рука светло-розовые. Статуэтка была изготовлена в Танагре в конце IV в. до н.э. (Белов 1968: 35).

В IV в. до н.э. один из мастеров Коринфа изготовил терракотовую статуэтку, изображающую юношу, опирающегося на ствол дерева с накинутым на него плащом (Неверов 1981: 76, рис. 36). У него непринужденная поза, задумчиво-мечтательное выражение лица (рис. 12: *2*). Эту статуэтку, хранящуюся в Государственном Эрмитаже, мы также можем отнести к кругу интересующих нас терракот.

Танагрские коропласты вдохновлялись скульптурами великих мастеров, заимствовали их элементы для изготовления собственных предметов мелкой пластики. При этом нередко изменяя сюжет и героев: изображали не только богов и героев мифов, но и обычных жителей Древней Эллады.

На терракотовую пластику IV—III вв. до н.э. большое влияние оказало творчество известных греческих скульпторов Поликлета, Праксителя и Лисиппа. Мотив боковой опоры, который мы видим на вышеупомянутых терракотовых статуэтках, можно рассматривать как изобретение именно Поликлета — скульптора классического периода, мастера «движения в состоянии покоя» (Виппер 1972: 186). Примером тому может служить его знаменитая скульптура «Нарцисс» (рис. 13: *1*).

Развитие данного приема мы видим в работе скульпторов IV в. до н.э. Праксителя и Лисиппа. Главной специальностью Праксителя была отдельная, спокойно стоящая статуя. Особенно прославили Праксителя его женские образы. Но и в свои мужские статуи Пракситель стремился внести элемент женственности, превращая богов в нежных юношей, почти мальчиков, подчеркивая мягкую шелковистость их кожи, придавая их движениям сладостно певучий ритм. Праксителя не столько интересовала определенная характеристика бога или героя, не столько данная ситуация, сколько особое очарование мечтательного настроения, которое он умел вкладывать в свои статуи (Виппер 1972: 248). Примером этого может служить мраморная статуя Гермеса, которая была обнаружена в Олимпии в 1877 г. Гермес изображен с ребенком Дионисом на руках, которого он несет на воспитание нимфам. В пути Гермес остановился для отдыха, прислонился к стволу дерева и играет с малюткой, дразня будущего бога вина гроздью винограда (рис. 13: *2*). Другим примером данного мотива может служить статуя «Отдыхающий сатир», сохранившаяся только в копиях, правда весьма многочисленных (известно свыше семидесяти копий). Герои Праксителя вообще не любят стоять прямо, еще меньше они любят проявлять энергию, и двигаться; они обыкновенно прислоняются, облокачиваются, лениво и мечтательно бездействуют. В «Отдыхающем

[20] ГЭ. Инв. № Г.546.

сатире» опора взята так низко, что на нее брошена вся тяжесть тела. Движение развертывается не вверх, а в сторону, что еще более подчеркнуто позой свободной ноги, которая заворачивается в сторону и поставлена сзади опирающейся ноги (рис. 13: *3*). Именно благодаря этой низкой опоре Пракситель и достигает того ленивого, словно утомленного, свободного от всякого напряжения ритма, который так соответствует мягкой трактовке тела и мечтательному настроению его статуй. Мечтательный «влажный» взгляд статуй Праксителя вызывал особенное восхищение античных зрителей, которые использовали их для украшения садов.

Мотив боковой опоры прослеживается и в творчестве Лисиппа — мастера контрастов. Он изобразил неутомимого могучего Геракла в состоянии полного изнеможения, опирающимся всем телом на палицу, покрытую львиной шкурой (рис. 14: *1*). С кругом Лисиппа следует связать также статую Силена с младенцем Дионисом (рис. 14: *2*). Статуя эта известна по многочисленным репликам. Старик Силен прижимает к груди болтающего ножками младенца Диониса и нежно смотрит ему в глаза (Виппер 1972: 257).

Этот же прием использовали боспорские мастера при изготовлении надгробных статуй. Две подобные статуи эллинистического времени происходят из Пантикапея (Кобылина 1951а: 182, рис. 7: *1*). Одна из них изображает мужчину, одетого в длинный хитон и наброшенный поверх гиматия. Правой рукой мужчина придерживает край гиматия, свисающего с левого плеча; левой рукой опирается на герму (рис. 15: *1*). Другая надгробная статуя, выполненная более схематично, без проработки деталей, представляет мужскую фигуру — прямостоящую, неподвижную, одетую в хитон и гиматий (рис. 15: *2*). Надгробные статуи из Пантикапея и вышеописанные глиняные статуэтки объединяет не только сюжет, но и связь с погребальным обрядом. Ведь большинство подобных терракот было обнаружено именно в погребениях.

Кем могли быть герои вышеупомянутых терракотовых статуэток — задумчивые юноши, опирающиеся на гермы? И почему эти предметы находят в погребальных комплексах? Попробуем ответить на данные вопросы.

Некоторые исследователи считали, что подобные статуэтки изображают эфебов. Известно, что в древнегреческом обществе юноша, достигший 16—18 лет, обретал все права гражданина, становился членом эфебии — общности молодых людей — граждан полиса. Становясь эфебом, молодой гражданин подвергался докимасии с целью проверки возможности наделения его всеми гражданскими правами и заносился в списки своего дема. С этого времени молодой человек объявлялся военнообязанным и привлекался к военной службе, которую проходил до 20 лет. В народном собрании эфебы торжественно получали по щиту и копью и проходили школу полевой и гарнизонной службы, в качестве гарнизонных солдат или блюстителей порядка в общественных местах. Как цвет гражданского населения, эфебы обязательно участвовали в религиозных процессиях и празднествах, при встрече послов, а также присутствовали в полном вооружении в народных собраниях. Не случайно на многих статуэтках, изображающих эфебов, мы видим на голове венки — символы участия в ритуале. В промежутках между служебными занятиями эфебы проводили время по своему усмотрению. Вне службы эфебы вели шумную, полную удовольствий жизнь: одни проводили время за игрой в кости или у флейтисток, другие посещали гимназии, служившие с IV в. до н.э. местами собрания блестящего афинского общества. Таким образом, из эфебов состояла так называемая золотая молодежь афинских щёголей. Через два года службы молодые люди объявлялись совершеннолетними и самостоятельными гражданами. Они получали право являться в суде, жениться и т.д. (Любкер 1885: 476).

В искусстве молодые люди этого возраста изображаются с коротко подстриженными волосами в противоположность к мальчикам и взрослым мужчинам, носившим более длинные волосы. Кроме того, эфебов изображали с накинутым плащом—хламидой. Так называлась мужская верхняя одежда из шерстяной ткани, отличавшаяся от плаща—гиматия меньшими размерами и способом ношения. Хламида представляла собой продолговатую мантию, которая накидывалась на шею короткой стороной и закреплялась застёжкой на груди или на правом плече. Хламиду носили спартанцы, афинские эфебы, а также во всех греческих государствах охотники и путешественники, верховые ездоки и солдаты (Брокгауз, Ефрон 1903: 319). У эфебов хламида была желтого или шафранового цвета, что подтверждают остатки росписи на вышеупомянутой терракоте из каменной гробницы Пантикапея.

На терракоте из некрополя Паниардиса юноша изображен опирающимся на герму — столбик. В античную эпоху гермы служили межевыми знаками, указателями на дорогах. Их ставили также перед входом в дом, на перекрестках или у городских ворот. Первоначально герма представляла собой кучу камней, которые прохожие складывали один на другой, служила путевым или памятным знаком (Любкер 1885: 614). Позже ее изготавливали в виде четырехгранной фаллической стелы со скульптурной головой Гермеса, покровителя собственности, торговли и путешественников. Гермы снабжали также поучительными надписями философского толка, дабы путник, остановившийся в дороге отдохнуть, мог бы их прочесть и задуматься о смыслах бытия. Не случайно на всех терракотовых статуэтках, изображающих юношей у гермы, мы видим задумчиво-отрешенное выражение лица.

Некоторые исследователи видели «эфебов» и в изображенных «фигурах в гиматиях» на античных расписных вазах. В некрополе Елизаветовского городища были найдены четыре краснофигурных скифоса, объединенных одних сюжетом — изображение фигур в гиматиях (Брашинский 1980: 129). Причем, существуют некоторые различия в этих изображениях. На двух скифосах изображены две фигуры: обнаженный мужчина со стригилем в вытянутой правой руке и мужчина, одетый в длинный гиматий с посохом в правой руке (рис. 16: *1*). На третьем скифосе вместо посоха у мужчины в гиматии под правой рукой круглый предмет (арибалл?). На четвертом скифосе изображен один мужчина в гиматии. В 1954 г. во втором «Пятибратнем» кургане была найдена расписная пелика с изображением на лицевой стороне сцены амазономахии, а на оборотной — двух фигур в гиматиях у жертвенника (Брашинский 1980: 123). Все эти предметы датируются IV в. до н.э.

М.М. Кобылина, исследуя поздние боспорские пелики, называла фигуры в гиматиях «палестритами» (Кобылина 1951b: 148). Обычно на оборотной стороне данных пелик изображали две фигуры в гиматиях в разных вариантах: с диском или стригилем в руке, с изображением алтаря между ними и маленьким кружком над ним (рис. 16: *2*).

В.Д. Блаватский отмечал, что подобные сюжеты занимали лицевую сторону более скромных пелик, или обратную сторону более богатых по росписи сосудов (рис. 16: *3*). Они изображали юношей — палестритов, которые, завернувшись в гиматий, отдыхают после утомительных атлетических упражнений (Блаватский 1953: 271). Примечательно, что подобный сюжет можно встретить и на чернофигурных вазах IV в. до н.э. Так, на лицевой стороне кампанского высокого стройного сосуда с ручкой для подвешивания можно увидеть сюжет, связанный, вероятно, с погребальным обрядом: сидящий полуобнаженный юноша и чуть позади стоящие женщины с зеркалами в руках (Блаватский 1953: 153). На обратной стороне этого сосуда представлены две фигуры в гиматиях, а между ними кружок (рис. 16: *4*).

В начале III в. до н.э. на смену боспорским пеликам пришли так называемые акварельные, местного производства, которые существовали и в течение II в. до н.э.

(Блаватский 1953: 276) На них нередко сохранялась система росписи, принятая на боспорских пеликах: на лицевой стороне мифологическая сцена, а на обратной — задрапированные в гиматии фигуры (рис. 16: *5*).

Таким образом, сюжет «спокойно стоящие фигуры в гиматиях» использовался вазописцами в течение долгого периода — IV—II вв. до н.э. (Шталь 1989: 157). Он встречается на лицевой и обратной стороне пелик, кратеров, лебетов, ойнохой, скифосов и других видов расписных ваз, найденных практически во всех регионах аттического краснофигурного экспорта (рис. 17: *1, 2, 3, 4, 5, 6*). Многие исследователи считали данный сюжет на вазах «бессодержательным», фигуры в гиматиях называли «эфебами» или «палестритами».

Однако И.В. Шталь связывала его с хтонической ипостасью древнегреческого бога Диониса. Она видела в нем «квинтэссенцию, суть сакральной погребальной символики дионисийско-орфического круга верований, представленную в донельзя обобщенном, абстрагированном варианте» (Шталь 1989: 157). Сюжет состоит из определенного «набора» знаков-символов; его композиционно-тематическое воплощение стабильно. Этим объясняется постоянная аббревиатура сюжета: чтобы дать понятие о сюжете с фигурами в гиматиях, достаточно было изобразить его часть, остальное домысливалось. Изображаемыми символами дионисийского культа были герма, тимпан, алтарь и фиала над ним, жертвенные кушанья, стригиль. Таким образом, сюжет с фигурами в гиматиях знаменовал таинство перехода из одного мира в другой — через сакральный брак—смерть (Шталь 1989: 158).

Ю.А. Виноградов заключил, что сюжет «фигуры в гиматиях» изображает некую встречу в сакрализованном пространстве при переходе душ усопших в загробный мир (Виноградов 2017: 285). На наш взгляд, между терракотовыми статуэтками, изображающими юношей, опирающихся на герму, и сюжетом «фигуры в гиматиях» на расписных сосудах, есть много общего. Прежде всего, изображение самих мужских фигур, закутанных в гиматий. Кроме того, общими являются некоторые элементы этих изображений: герма, венок на голове, застывшая поза, задумчиво-отрешенный взгляд. Объединяет их и место обнаружения — в погребальных комплексах. Кем же могли быть эти изображаемые мужчины в гиматиях? Какая роль им отводилась в древнегреческих заупокойных культах? Почему предметы с их изображениями пользовались такой популярностью на протяжении столь длительного исторического периода? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к античным эпическим и философским произведениям, содержащим сведения о представлениях древних людей о загробном мире.

Безусловно, основой всех источниковедческих знаний античности являются эпические поэмы Гомера. В гл. 11 «Одиссеи» повествуется о том, как Одиссей по указанию Цирцеи отправился в область Аида, чтобы испросить прорицателя Тиресия о своем возвращении домой. Одиссей подробно описывает все и всех, кого он встретил во время этого путешествия: «…В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса; Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он…» (Hom., XI, 157). Таким образом, он упоминает о суде в загробном мире, который вершит Минос, царь о. Крита. Существенным, на наш взгляд является упоминание золотого скипетра. На некоторых вышеупомянутых расписных сосудах мы видим изображения мужских фигур в гиматиях со скипетром в руках.

В философском произведении Платона «Диалоги» в шестой тетралогии «Горгий» описывается беседа Сократа с Калликлом. В этой беседе Сократ поведал о том, что «…при Кроне был закон — чтобы тот из людей, кто проживет жизнь в справедливости и благочестии, удалялся после смерти на Острова блаженных и там обитал, неизменно счастливый, вдали от всех зол, а кто жил несправедливо и безбожно, чтобы уходил в место

кары и возмездия, в темницу, которую называют Тартаром. Во времена Крона и в начале царства Зевса суд вершили живые над живыми, разбирая дело в тот самый день, когда подсудимому предстояло скончаться». Однако зачастую приговоры выносились несправедливо, поскольку людей судили живыми и одетыми «в красивое тело, в благородство происхождения, в богатство». Да и судьями выступали живые люди. И тогда Зевс принимает решение, что «люди не должны больше знать дня своей смерти наперед, и чтобы их судили совершенно нагими, а для этого пусть их судят после смерти» (Plato, 523). Зевс назначает судьями душ человеческих в подземном мире своих сыновей: «…умерших из Азии будет судить Радамант, из Европы — Эак, а Миносу я дам почетное право разрешать сомнения двух остальных, когда те не смогут решить сами, и приговор, каким путем следовать каждому из умерших, будет безупречно справедливым» (Plato, 524). Платон упоминает о жезлах в руках Радаманта и Эака, а также о том, что «Минос сидит один, надзирая над ними, и в руке у него золотой скипетр».

В эпическом произведении Вергилия «Энеида» при описании путешествия Энея в загробный мир встречается упоминание сцены суда: «…но без решенья суда не получат пристанища души; Суд возглавляет Минос: он из урны жребии тянет, Всех пред собраньем теней вопрошает о прожитой жизни» (Virg., VI, 430).

На наш взгляд, не случайны изображения на вышеупомянутых расписных сосудах обнаженных мужчин со стригилями. Возможно, именно так изображали души усопших, которые должны были предстать перед высшим судом. Тогда фигуры в гиматиях, возможно, не кто иные, как судьи подземного царства Радамант, Эак или Минос (рис. 18). Не случайно их изображали у герм, алтарей, зачастую, со скипетром в руке. Они могли быть также проводниками, которые встречали души усопших и провожали к месту высшего суда. Вероятно, именно их изображали глиняные статуэтки юношей у гермы, которые находят в погребениях в разных частях Боспорского царства. Это еще раз подтверждает тезис о широком распространении дионисийско-орфического культа на Боспоре в IV в. до н.э. — I в. н.э. Одна из подобных статуэток была обнаружена и в некрополе древнего Паниардиса.

Данная находка, действительно, является уникальной. Это пока единственная терракотовая статуэтка, обнаруженная в некрополе Паниардиса, входившего в хору Танаиса в числе других десяти городищ. Надо отметить, что терракотовые статуэтки в античных погребениях на территории Нижнего Дона встречаются достаточно редко. Так, в 2011 г. при исследовании некрополя Сухо-Чалтырского городища в погребении 19, принадлежащем девушке 15—25 лет, была обнаружена терракотовая протома Деметры. В некрополях других восьми нижнедонских городищ античного времени терракотовые статуэтки не встречались (Суворова 2019: 171). Да и в некрополе самого Танаиса подобные находки большая редкость. За все время исследования было обнаружено лишь 8 терракот (Суворова 2016: 470).

Не случайно глиняная фигурка, изображающая юношу у гермы, была найдена в погребении знатной молодой женщины 25—30 лет. Это может свидетельствовать о высокой степени эллинизации верхушки местного общества, почитающей Диониса хтонического. Возможно, помещение ее в ногах усопшей отражало определенные религиозные верования местных жителей: она могла служить проводником в потусторонний мир. Ведь статуэтка изображает путника, остановившегося ненадолго отдохнуть у гермы со скульптурной головой Гермеса — проводника душ умерших. Венок на голове юноши также может напоминать о погребальных эллинских традициях.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что среди жителей древнего Паниардиса, верхушки его общества, были люди, воспринявшие культуру и религиозные культы древних греков, которые ощущали себя частичкой общего эллинского мира.

Литература

Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Москва: Наука (САИ Д1-30).

Белов Г.Д. 1968. *Терракоты Танагры*. Ленинград: Советский художник.

Блаватский В.Д. 1953. *История античной расписной керамики*. Москва: Московский университет.

Бойко А.Л. 1990. О датировке Крепостного городища. *ИАИАНД* 9, 73—80.

Бойко А.Л. 1991. Изучение Крепостного городища и его некрополя в послевоенный период (1954—1989). *ИАИАНД* 10, 71—82.

Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Ленинград: Наука.

Бритова Н.Н. 1969. *Греческая терракота*. Москва: Искусство.

Брокгауз Ф.А, Ефрон И.А. 1903. *Энциклопедический словарь.* Т. XXXVII (73). *Хаким — Ходоров.* Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон.

Виноградов Ю.А. 2017. *Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН)*. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е.А.

Виппер Б.Р. 1972. *Искусство Древней Греции*. Москва: Наука.

Гончарова и др. 2016: Гончарова С.М., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. 2016. Археологические исследования в городе Азове в 2013—2014 годах. *ИАИАНД* 29, 50—126.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). *Донские древности* 11.

Денисова В.И. 1981. *Коропластика Боспора*. Ленинград: Наука.

Кобылина М.М. 1951a. Скульптура Боспора. В: Блаватский В.Д., Граков Б.Н. (ред.). *МИА* 19. Москва: АН СССР, 171—188.

Кобылина М.М. 1951b. Поздние боспорские пелики. В: Блаватский В.Д., Граков Б.Н. (ред.). *МИА* 19. Москва: АН СССР, 136—170.

Любкер Ф. 1885. *Реальный словарь классических древностей*. Санкт-Петербург: Издание общества классической филологии и педагогики.

Максименко В.Е. Проценко Б.Н. 1992. Паниардис, Патарва и река Марубий (попытка историко-лингвистического анализа сведений Птолемея о некоторых древних топонимах в низовьях Дона). В: Максименко В.Е., Королев В.Н. (ред.). *Историческая география Дона и Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 31—37.

Неверов О.Я. 1981. *Культура и искусство античного мира*. Ленинград: Искусство.

Пругло В.И. 1970. Статуэтки из Мирмекия. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. II. Москва: Наука, 94—100 (САИ Г1-11).

Силантьева П.Ф. 1974. Терракоты Пантикапея. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. III. Москва: Наука, 5—38 (САИ Г1-11).

Суворова Н.И. 2016. *Терракота Танаиса I—III вв. н.э.* В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования*. Керчь: ООО «Соло-Рич», 468—471.

Суворова Н.И. 2019. К вопросу об элитарных погребениях античного времени на Нижнем Дону. *БИ* XXXVIII, 160—178.

Фомичев Н.М. 1990. К вопросу о границах памятников археологии г. Азова. *ИАИАНД* 9, 35—40.

Хмара Е.Б. 1987. Терракотовые статуэтки из Анапского историко-археологического музея. В: Кругликова И.Т. (ред.). *Тайны терракоты*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 80—102.

Шталь И.В. 1989. *Эпические предания Древней Греции*. Москва: Наука.

Dubois de Montpereux F. 1843. *Voyage autour du Gaucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. Atlas, quatrième partie, feuille XII*. Paris: Chez Gide Libraire Editeur.

Pollitt J.J. 1986. *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

References

Ambroz, A.K. 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR (Fibulae of the South of the European Part of the USSR). Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-30) (in Russian).

Belov, G.D. 1968. *Terracotty Tanagry (Tanagra Terracotta)*. Leningrad: Sovetsky Khudozhnik, 1968 (in Russian).

Blavatsky, V.D. 1953. *Istoria antichnoi raspisnoi ceramici (History of antique painted ceramics)*. Moscow: Moscow University (in Russian).

Boyko, A.L. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don)* 9, 73—80 (in Russian).

Boyko, A.L. 1991. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don)* 10, 71—82 (in Russian).

Brashinsky, I.B. 1980. *Grechesky Ceramichesky Import na Nizhnem Donu (Ceramic Import from Greece on Lower Don)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Britova, N.N. 1969. Grecheskaya Terracotta (Greek Terracotta). Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Brokgauz, F.A, Efron, I.A. 1903. *Entsiklopedicheskiy slovar' (Encyclopedic Dictionary)*. Vol. XXXVII (73). *Khakim — Khodorov*. Saint Petersburg: F.A. Brokgauz i I.A. Efron (in Russian).

Vinogradov, Yu.A. 2017. *Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN) (Bosporus Cimmerian Antiquities in paintings of K.R. Begichev and F.I. Gross (based on materials of Scientific Archive, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences))*. Simferopol; Kerch: IP Litvinenko E.A. (in Russian).

Vipper, B.R. 1972. *Iskusstvo Drevnei Grecii (The Art of Ancient Greece)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Goncharova et al. 2016: Goncharova, S.M., Shirochenko, E.B., Harenko, M.V., Goncharov, M.Yu., Maslovsky, A.N., Minaev, A.P., Yudin, N.I. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don)* 29, 50—126 (in Russian).

Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011. In *Donskiye drevnosti (Don antiquities)* 11 (in Russian).

Denisova, V.I. 1981. *Coroplastika Bospora (Bosporus Coroplast)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Kobylina, M.M. 1951a. In: Blavatskiy, V.D., Grakov, B.N. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 19. Moscow: AN SSSR, 171—188 (in Russian).

Kobylina, M.M. 1951b. In: Blavatskiy, V.D., Grakov, B.N. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 19. Moscow: AN SSSR, 136—170 (in Russian).

Lübker, F. 1885. *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey (Real Dictionary of Classical Antiquity)*. Saint Petersburg: Izdaniye obshchestva klassicheskoy filologii i pedagogiki (in Russian).

Maximenko, V.E., Prozenko, B.N. 1992. In: Maximenko, V.E., Korolev, V.N. (eds.). *Istoricheskaya geografiya Dona i Severnogo Kavkaza (Historical Geography of Don and Northern Caucasus)*. Rostov-on-Don: Rostovskiy universitet, 31—37 (in Russian).

Neverov, O.Ya. 1981. *Kultura i iskusstvo Antichnogo Mira (Culture and Art of the Ancient World)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Pruglo, V.I. 1970. In: Kobylina, M.M. (ed). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracottas of the Northern Black Sea region)*. Pt. 2. Moscow: Nauka, 94—100 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).

Silantieva, P.F. 1974. Kobylina, M.M. (ed). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracottas of the Northern Black Sea region)*. Pt. 3. Moscow: Nauka, 5—38 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).

Suvorova, N.I. 2016. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya (Cimmerian Bosporus and Barbarian world in the Ancient time and Middle Age. Discoverers and Discoveries)*. Kerch: OOO "Solo-Rich", 468—471 (in Russian).

Suvorova, N.I. 2019. In *Bosporskie issledovanija (Bosporian Studies)* XXXVIII, 160—178 (in Russian).

Fomichev, N.M. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don)* 9, 35—40 (in Russian).

Khmara, E.B. 1987. In Kruglikova, I.T. (ed.). *Tayny terrakoty (Secrets of Terracotta)*. Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 80—102 (in Russian).

Shtal', I.V. 1989. *Epicheskiye predaniya Drevney Gretsii (Epic Legends of Ancient Greece)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dubois de Montpereux, F. 1843. *Voyage autour du Gaucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. Atlas, quatrième partie, feuille XII*. Paris: Chez Gide Libraire Editeur.

Pollitt, J.J. 1986. *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

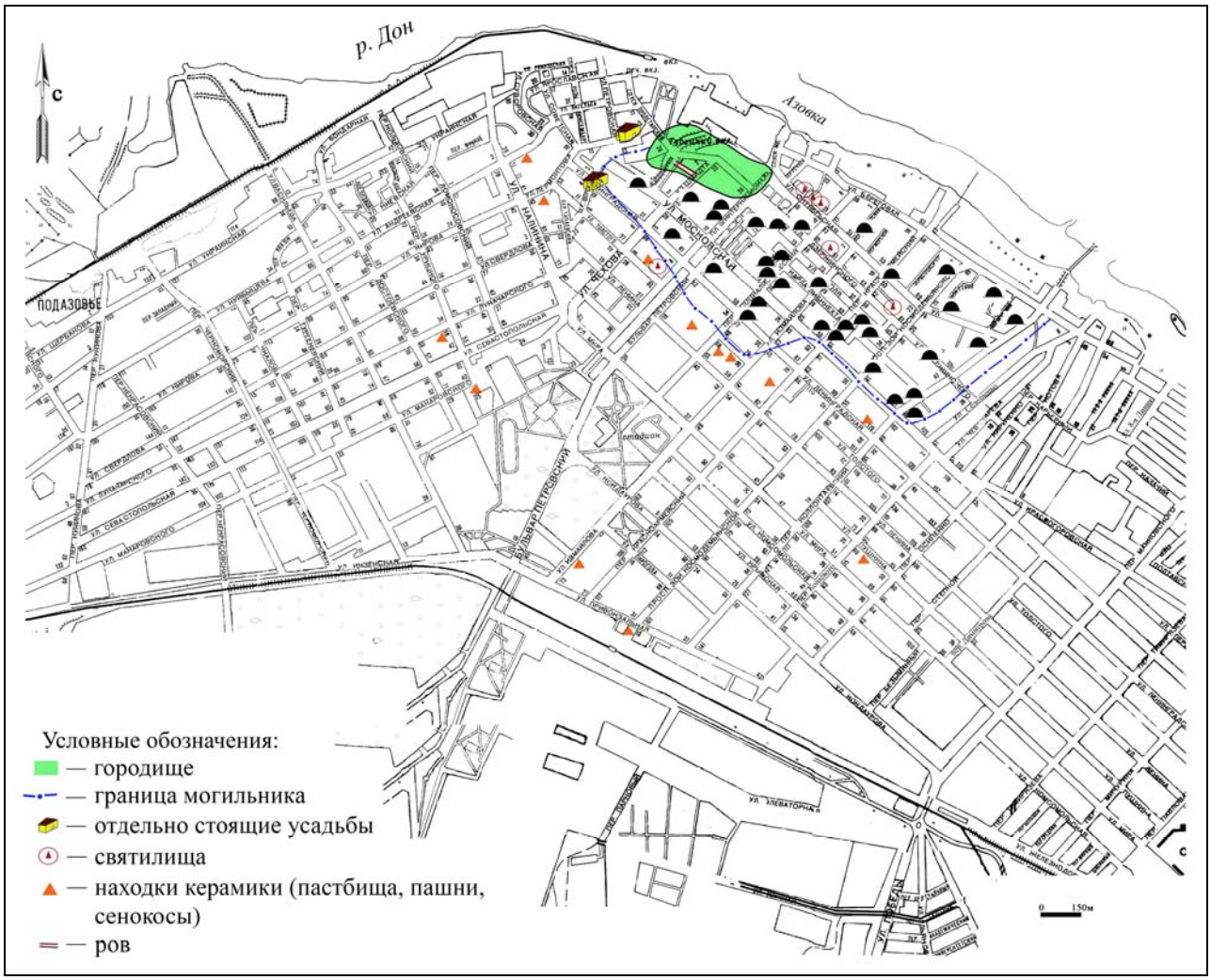

Рис. 1. Крепостное городище (Паниардис) с некрополем.

Fig. 1. Krepostnoye hillfort (Paniardis) with necropolis.

Рис. 2. Космоснимок с указанием места проведения археологических раскопок в 2013—2014 гг. в г. Азове по пер. Коллонтаевскому, 65.

Fig. 2. Satellite image indicating the place of excavation works at 65 Kollontaevskiy lane, Azov in 2013—2014.

Рис. 3. Погребение 4.

Fig. 3. Burial 4.

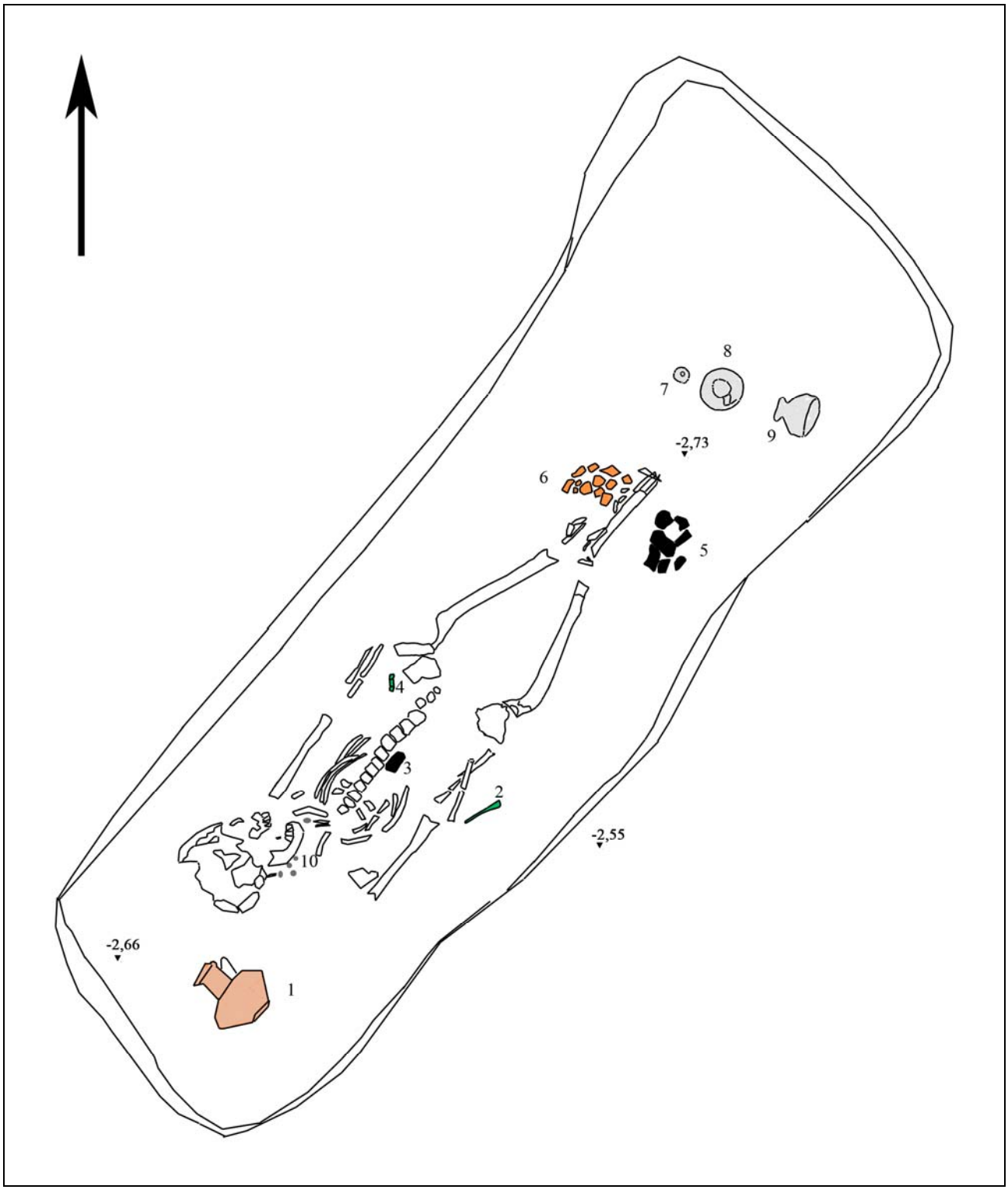

Рис. 4. Чертеж погребения 4: *1* — краснолаковый кувшин; *2* — шило; *3* — фрагмент лепного сосуда; *4* — фибула; *5* — фрагменты лепного сосуда; *6* — терракота; *7* — пряслице; *8* — серолощеный кувшин; *9* — серолощеный кубок; *10* — бусы.

Fig. 4. A blueprint of Burial 4: *1* — red slip jug; *2* — awl; *3* — fragment of a molded vessel; *4* — fibula; *5* — fragments of a molded vessel; *6* — terracotta; *7* — spindle; *8* — gray-polished jug; *9* — gray-polished goblet; *10* — beads.

Рис. 5. Инвентарь Погребения 4: *1* — краснолаковый кувшин; *2* — фибула; *3* — зеркало; *4* — серолощеный кубок; *5* — серолощеный кувшин; *6* — гешировые подвески; *7* — бусы; *8* — шило; *9* — бронзовые накладки; *10а,б* — медные бусины; *10в* — сердоликовая бусина; 10*г* — гешировая бусина; 10*д,е* — фрагменты медных и железных изделий (АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/61, 59, 60, 62, 65, 66, 69, 70, 74, 79).

Fig. 5. The inventory of Burial 4: *1* — red-lacquer jug; *2* — fibula; *3* — mirror; *4* — grey-polished goblet; *5* — grey-polished jug; *6* — jet pendants; *7* — beads; *8* — stitching awl; *9* — bronze covers; *10а,б* — copper beads; *10в* — carnelian bead; *10г* — jet bead; *10д,е* — fragments of copper and metal items (Azov Museum-Reserve. KP. 31169 A1Г 1128/61, 59, 60, 62, 65, 66, 69, 70, 74, 79).

Рис. 6. Терракотовая статуэтка из Погребения 4.

Fig. 6. Terracotta figurine from Burial 4.

Рис. 7. Статуэтка до реставрации.

Fig. 7. Figurine pre-restoration.

Рис. 8. Статуэтка после реставрации (рисунок А.А. Матюшиной).

Fig. 8. Figurine after restoration (drawing by A.A. Matyushina).

Рис. 9. Терракотовые статуэтки юноши у гермы I в. н.э.: *1* — из Мирмекия (по Денисова 1981: табл. XXIII: *к*); *2* — из Пантикапея (ВКИКМЗ, инв. № КТ-230); *3* — из Горгиппии (по Хмара 1987: 28).

Fig. 9. Terracotta figurines of young man at the herm of 1st c. CE: *1* — from Myrmekion (after Denisova 1981: tab. XXIII: *к*); *2* — from Panticapaeum (Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, inv. No. KT-230); *3* — from Gorgippia (after Khmara 1987: 28).

Рис. 10. Терракотовые статуэтки юноши у гермы II—I в. до н.э.: *1* — из Мирмекия (по Денисова 1981: табл. XXIII: *л*); *2, 3* — из Пантикапея (по Силантьева 1974: табл. 35: *4, 5*).

Fig. 10. Terracotta figurines of young man at the herm of 2nd — 1st cc. BCE: *1* — from Myrmekion (after Denisova 1981: tab. XXIII: *л*); *2, 3 1* — from Panticapaeum (after Silantieva 1974: tab. 35: *4, 5*).

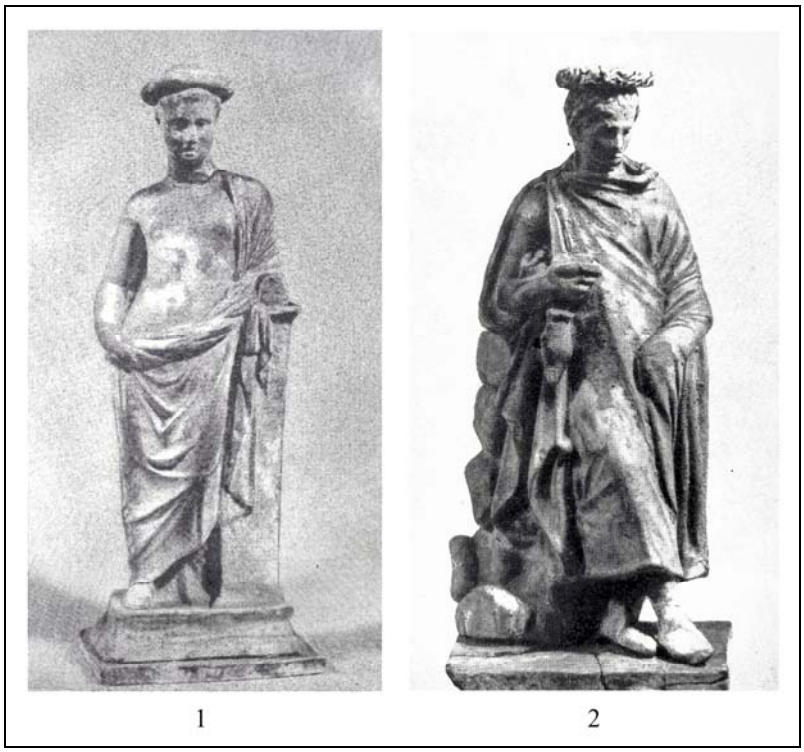

Рис. 11. Танагрские статуэтки из Государственного музея Берлина (по Бритова 1969: 75, 76).

Fig. 11. Tanagra figurines from the Berlin State Museum (after Britova 1969: 75, 76).

Рис. 12. Танагрские статуэтки из собрания Государственного Эрмитажа (по Белов 1968: 35; Неверов 1981: 76, рис. 36).

Fig. 12. Tanagra figurines from the State Hermitage Museum's collection (after Belov 1968: 35; Neverov 1981: 76, fig. 36).

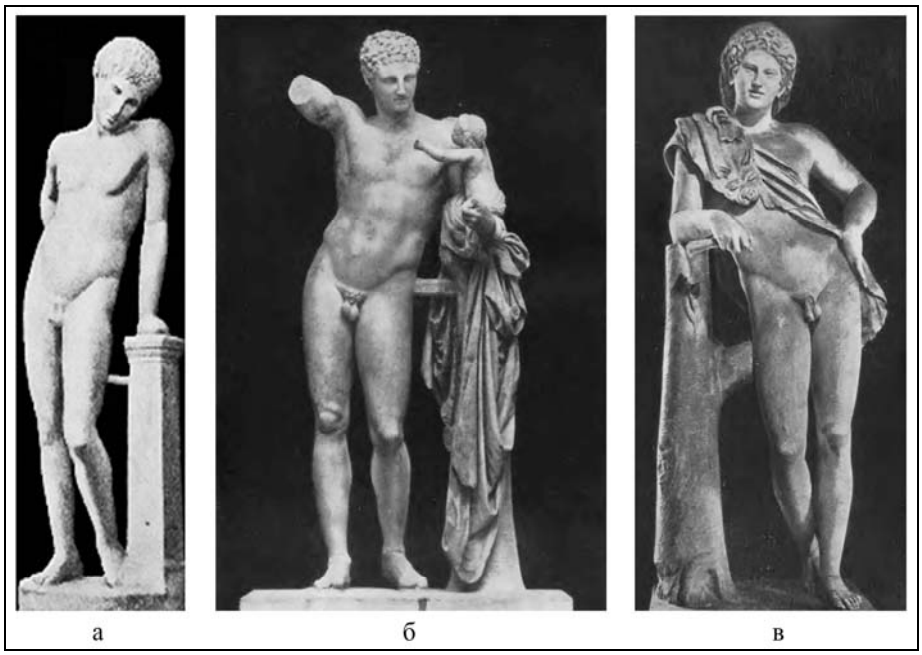

Рис. 13. Античная скульптура с боковой опорой: *1* — Нарцисс, Поликлет, V в. до н.э. (по Виппер 1972: рис. 201); *2* — Гермес с ребенком Дионисом, Пракситель, IV в. до н.э. (по Виппер 1972: рис. 270); *3* — Отдыхающий сатир, Пракситель, IV в. до н.э. (по Виппер 1972: рис. 274).

Fig. 13. Antique sculpture using side support: *1* — Narcissus, Polykleitos. 5th c. BCE (after Vipper 1972: fig. 201); *1* — Hermes with the child Dionysus, Praxiteles, 4th c. BCE (after Vipper 1972: fig. 270); *3* — Resting Satyr, Praxiteles, 4th c. BCE (after Vipper 1972: fig. 274).

Рис. 14. Скульптуры Лисиппа IV в. до н.э.: *1* — Геракл, опирающийся на палицу (по Pollitt 1986: 49—52); *2* — Силен с младенцем Дионисом (по Виппер 1972: рис. 284).

Fig. 14. The statues of Lysippos, 4th c. BCE: *1* — Hercules leaning on his club (after Pollitt 1986: 49—52); *2* — Silenus with the child Dionysus (after Vipper 1972: fig. 284).

Рис. 15. Надгробные статуи из Пантикапея (Музей каменных древностей Лапидарий, г. Керчь).

Fig. 15. Gravestone figurines from Panticapaeum (The Lapidarium Museum, Kerch).

Рис. 16. «Фигуры в гиматиях» на античных расписных вазах: *1* — скифос из некрополя Елизаветовского городища, IV в. до н.э. (АМЗ. КП 16700. № 219); *2* — пелика, IV в. до н.э. (Государственный музей изобразительных искусств, Республики Татарстан); *3* — пелика, IV в. до н.э. (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына); *4* — чернофигурный кампанский сосуд, IV в. до н.э. (по Блаватский 1953: 153); *5* — роспись на оборотной стороне акварельной пелики, III в. до н.э. Рисунок Ф.И. Гросса (по Виноградов 2017: 211).

Fig. 16. "Figures wearing himation" on antique painted vases: *1* — skyphos from the Elizabethan hillfort, 4th c. BCE (AMZ. KP. 16700. № 219); *2* — pelike, 4th c. BCE (State Museum of fine arts of the Republic of Tatarstan); *3* — pelike, 4th c. BCE (E.D. Felizin Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve); *4* — black-figure Campana vessel, 4th c. BCE (after Blavatskiy 1953: 153); *5* — painting on the inner side of a watercolor pelike, 3rd c. BCE. Drawing by F.I. Gross (after Vinogradov 2017: 211).

Рис. 17. «Фигуры в гиматиях» на античных расписных вазах: *1* — скифос, IV в. до н.э., Горгиппия; *2* — скифос, IV в. до н.э., Вани; *3* — скифос, IV в. до н.э., курган в Херсонской области; *4* — скифос, IV в. до н.э. (СГУ); *5* — пелика. V в. до н.э. Государственный Эрмитаж; *6* — пелика, IV в. до н.э. (Темрюкский историко-археологический музей).

Fig. 17. "Figures wearing himation" on antique painted vases: *1* — skyphos, 4th c. BCE, Gorgippia; *2* — skyphos, 4th BCE, Vani; *3* — skyphos, 4th c. BCE from burial mound in Kherson Oblast; *4* — skyphos, 4th c. BCE (Saratov State University); *5* — pelike, 5th c. BCE (State Hermitage Museum); *6* — pelike, 4th c. BCE (Temryuk Historical-Archaeological Museum).

Рис. 18. Сюжет «фигуры в гиматиях» (по Dubois de Montpereux 1843: XII).

Fig. 18. The theme of "Figures wearing himation" (after Dubois de Montpereux 1843: XII).